

О. В. БРИГАДИНА

МОДЕЛЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1917—1921 гг.)

В раннесоветском обществе, когда шел процесс апробации теоретических проектов, повседневная практика населения формировалась в условиях взаимодействия и взаимовлияния традиций старой России и новаций России новой. Принципы, на основе которых утверждалась модель обыденной жизни общества, достаточно изучены. Это в первую очередь приоритет государства над обществом, приоритет коллектива над личностью, ограничение свободы личности, централизация, планирование и эксплуатация народного энтузиазма.

Трудовые будни населения. Модель общественного устройства периода революции и Гражданской войны складывалась постепенно, во многом стихийно и противоречиво, под давлением чрезвычайных обстоятельств военного времени. Цель проводимых в 1917—1921 гг. мероприятий была одна: сохранение советской власти в условиях дезинтеграции страны, враждебного окружения, развала экономики и скудости резервов. Все это объективно предопределило курс на централизацию управления экономикой; жесткую регламентацию производства и потребления; усиление административно-репрессивных методов регулирования повседневной жизнью. По определению Л. Н. Юровского, одного из ведущих экономистов первых лет советской власти, сформировалась хозяйственная система, которая «была продуктом определенной

Брыгадзіна Вольга Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

идеологии, реализацией социально-политического замысла, построившего хозяйственную жизнь страны на совершенно иных началах: реорганизацией всех учреждений, видоизменением всех экономических отношений, разрывом прежних связей и установлением новых, пересмотром старых принципов, разрушением традиций и т. д.» [22, с. 51]. Среди всего этого организационного хаоса основополагающими являлись: экспроприация буржуазии, национализация промышленности, централизация управления, регулирование всей хозяйственной деятельности по единому общегосударственному плану [5, с. 409—413, 421—424].

Рабочие. К концу 1918 г. из 9,5 тыс. промышленных предприятий Европейской России было национализировано 3,3 тыс. Через год в собственность государства перешло до 80 % крупной и средней, почти 50 % мелкой промышленности. В национализированном секторе было занято почти 2 млн человек — 70 % рабочих. Государство планомерно распределяло заказы, брало на себя задачу снабжения сырьем, сбытом, прибылью. «Комиссары и уполномоченные с наганом или мандатом» пытались восстановить хозяйственные связи. Производство к 1921 г. по сравнению с 1913 г. катастрофически упало, производительность труда сократилась в 10 раз [2, с. 420]. На знаменитом московском металлургическом заводе «Гужон» (позднее — «Серп и молот») осенью 1917 г. работало 3,3 тыс. человек, национализирован в 1917 г., в 1919 г. все мартены потушены из-за нехватки топлива. В 1920 г. работало не более 400 человек: делали гвозди, болты, гайки, колючую проволоку, выпуск металла — в 50 раз ниже уровня 1913 г. Путиловский машиностроительный и сталелитейный завод: из 30 тыс. рабочих к концу 1918 г. осталось 11 тыс. человек — 10 тыс. путиловцев ушли в Красную Армию, продотряды, ВЧК. Понемногу делали вагоны и паровозы, заготовливали хлеб. В 1920 г. из-за отсутствия топлива и в связи с «малым числом рабочих» действовало 3 % производственных площадей [2, с. 421].

Согласно марксистской теории труд должен был превратиться из средства к существованию в первую потребность. Однако разруха на предприятиях, слабые материальные стимулы к труду, напряженность в отношениях со специалистами привели к росту прогулов. В среднем рабочий в России «прогуливал» в 1920—1921 гг. 21,6 дня, или в два раза больше, чем в 1913 г. [15, с. 38]. Проблема стимулов рабочих к труду нашла широкое освещение в исторических исследованиях, в результате чего утвердилась следующая система мотивации: материальное вознаграждение, морально-нравственные факторы, а также принуждение и наказание.

В 1919—1921 гг. реальная зарплата промышленных рабочих была в четыре раза ниже показателей 1913 г. Если в 1913 г. абсолютная величина в товарных рублях составляла 22 (100%), то к 1921 г. ее уровень едва достигал 6 (34 %). Это означало, что на среднемесячную зарплату рабочих ценовой промышленности мог приобрести товаров, продуктов и коммунальных услуг в 2,4 раза меньше, чем в 1913 г. [15, с. 62—63]. Несмотря на то, заработная плата в Москве и Петрограде на 30—50 % превосходила средний показатель оплаты труда по стране, большинство столичных рабочих едва ли было способно свести концы с концами. Не могли существенно исправить ситуацию и такие социально ориентированные меры советской власти, как бесплатное отопление жилых помещений, освещение, канализация. Стоимость этих социальных программ автоматически зачислялась в зарплату рабочих. По подсчетам С. П. Постникова и М. А. Фельдмана, жизненный уровень российского пролетариата в начале 1920-х гг. оставался ниже, чем в царской России в 1913 г. [15, с. 65]. Подтверждением выводов академических ученых может служить письмо анонимного автора председателю ВЦИК М. И. Калинину: «Мы два брата — токари в паровозосборочном цеху; <...> наш бюджет состоял из 300, вернее 280 рублей, и жили мы куда хорошо, имели возможность иметь ружья, собак, рыболовные снасти, водили голубей и т. д. Теперь я и брат живем в 10 раз хуже, а потребности у нас остались почти что те же. Почему? И работаем так же, как и раньше, как нас приучил с детства наш отец. Я еще за всю революцию не был ни в отпуску, и не было ни одного прогула. Сейчас, после гражданской войны, я имею три раны и контузию. Правда, я имею за это орден Красного Знамени, но я не жалею, я спрашиваю вас, когда же конец вашим ошибкам? <...> Еще раз заверяю вас, что я не жалею, но право хочется уже пожить по-человечески <...> Я не подписываюсь своим полным именем, так как совершенно не хочется подвергать себя хоть малейшим гонениям...» [11, с. 486—487].

Скудное материальное вознаграждение за труд было соразмерно с неприятием людей к «работе на общий котел». Многочисленные документы свидетельствуют фактически о провале «великого почина», т. е. добровольно-бесплатных субботниках на предприятиях страны. Известен факт, что в субботу вечером 10 мая 1919 г. на Московско-Казанской железной дороге рабочие устроили по собственному почину коммунистический субботник. Эта инициатива получила мощную поддержку со стороны В. И. Ленина, который видел в субботниках «...победу над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эго-

измом <...> над привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» [6, с. 5]. ЦК партии большевиков и местные парторганизации постарались распространить эти «праздники труда» по всей стране. Однако сводки с мест свидетельствовали о пессимизме беспартийных рабочих и безынициативности коммунистов: «В субботниках часто не участвуют нужное количество субботствующих, так как многие из членов партии не работают» (Астраханский губком РКП(б), 25 февраля 1920 г.); «Отношение участников халатное и несознательное, заметно манкирование воскресниками» (Областной комитет РКП(б) Трудовой коммуны Немцев Поволжья, июль 1921 г.); «Когда у нас в Москве, в районах, ставился вопрос о субботниках, часто рабочие руками и ногами отмахивались от них» (из доклада на X съезде РКП(б) коммуниста Е. Н. Игнатова, 11 марта 1921 г.) [13, с. 100—101]. Моральные стимулы к бесплатному труду оказались неэффективными, поэтому на местах все чаще применялись материальные. В газете «Правда» от 23 мая 1919 г. сообщалось, что на первом коммунистическом субботнике на Александровской железной дороге «коммунисты и сочувствующие за пять часов сверхурочной работы получили право вторично пообедать за деньги, причем к обеду за деньги же, как рабочим физического труда, было выдано по полфунта хлеба» [13, с. 100].

В далекой от идеологии обыденной жизни именно хлеб был «особым средством и оружием» для удержания большевиками власти. Именно на это акцентировал внимание В. И. Ленин в октябре 1917 г. в статье «Удержат ли большевики государственную власть?», когда писал: «Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность... Кто не работает, тот не должен есть» [7, с. 311]. С экономически нормальной системой оплаты труда, безусловно, это не имело ничего общего.

Несмотря на заявленный советским государством принцип «оплаты по труду», главной чертой в годы «военного коммунизма» оставалась уравнительность распределения материальных благ. Попытки стимулировать производительность труда с помощью введения сдельно-премиальной системы и натурального премирования не принесли заметного результата. Кроме того, система натурального премирования не пользовалась особой популярностью у малоквалифицированных рабочих, поскольку в своем большинстве это были выходцы из деревни, они нуждались в твердом заработке, обеспечивающем прожиточный минимум, а премия выдавалась лишь за сверхплановую квалифицированную работу.

Крестьяне. В деревне до революции, несмотря на существование разных имущественных групп, сохранялись многие общинные традиции. Все основные вопросы жизни по-прежнему решались на общих сходах. Особенно важна была их роль в регулировании земельных проблем, связанных с перераспределением, «скидкой-накидкой», текущими переделами, формами землеустройства и т. д.

Преобразования начались с Декрета о земле, но сам Декрет был скорее декларативным актом, чем практическим руководством. Поначалу советская власть не особенно вмешивалась в крестьянские дела, предоставляя возможность сельским общинам самим устраивать свою жизнь. В период «генерального (черного) передела» (1917—1918 гг.) крестьяне захватили и распределили между собой частновладельческие земли. Это было время разгрома помещичьих имений и грабежей. Обострились земельные споры между односельчанами в период общинного «правления» (1918—1921 гг.). Никто не хотел земли меньше и хуже, поэтому в повседневной жизни крестьян часты были стычки «на меже». Самой распространенной практикой было распределение земли «по едокам». Среднедушевой надел крестьянина составлял в Тульской губернии 1,07 дес. земли, по сравнению с 0,65 дес. до 1917 г. [21, с. 14]. Общинное «поравнение» создавало чересполосицу и дальнотелье, что препятствовало росту доходности и товарности крестьянских хозяйств.

Ужесточение политики советской власти в деревне было связано с ухудшением продовольственного положения в стране, угрозой голода в крупных промышленных центрах, необходимостью обеспечения продуктами питания Красной Армии. В мае 1918 г. в стране была установлена продовольственная диктатура, кульминацией которой стала продразверстка. Январские декреты 1919 г. «О разверстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства», «О заготовке продовольственных продуктов» подтвердили госмонополию на хлебную торговлю, сахар, чай, соль. С 1919 г. устанавливались твердые цены госзаготовок на мясо, рыбу и картофель. Общий план централизованно разверстывался, т. е. распределялся по губерниям, уездам и т. д., вплоть до отдельных хозяйств. Предполагалось оставлять 14 пудов зерна и крупы на человека в год, плюс фуражное зерно для скота. Все остальное — излишки, подлежащие отчуждению по твердым ценам. Хозяйства с землей до 4 дес. на семью в 6 человек от разверстки освобождались [12, с. 422]. В реальности изъятие хлеба проводилось без учета возможностей крестьян, нормы менялись, планы заготовок срывались. Ситуация на селе осложнилась введением других видов повинностей:

дровяной, подводной, гужевой, дорожной. Поначалу распространившиеся на 10-верстную полосу вдоль железных дорог повинности по расчистке снежных заносов, трудовая и гужевая к 1921 г. охватили уже 50-верстную зону. К гужевой повинности по перевозке военных и гражданских грузов были привлечены все хозяйства, имеющие лошадей, мужчины от 35 до 50 лет, женщины 18—40-летнего возраста. Мужчин привлекали к заготовке дров и торфа, они валили лес, строили военные объекты, обеспечивали сукном армию. Всего разного вида отработками было охвачено около 10 млн сельского населения. В случае саботажа брались заложники, которым грозил расстрел, «если расчистка снега не будет произведена» [2, с. 425—426].

Для решения продовольственной проблемы в деревне были направлены продотряды из рабочих, а иногда из разношерстной городской публики. Расчет властей на помощь со стороны сельской бедноты не оправдался, поэтому бойцов продотрядов было решено стимулировать материально. В сентябре 1919 г. было утверждено Положение СНК «О премировании рабочих продовольственных отрядов». Отряд получал премию в размере 100 фунтов хлеба на каждого бойца, если он выполнял нормативы продрозверстки до конкретно установленного срока: «10 % установленной разверстки хлеба не позднее 1 октября, 20 % — к 15 ноября, 30 % — к 15 января и т. д. Рабочим, имеющим более двух детей, премия увеличивалась до 30 фунтов». Причем премия выдавалась из изъятого отрядом хлеба у населения [12, с. 704—705].

Большинство нововведений советской власти в деревне (крестьянские комитеты взаимопомощи, шефство города над деревней, борьба с религией и т. д.) оказались малоэффективными, что еще раз подтверждало самобытность крестьянского мира, не принимавшего «чужаков». Однако культ бедности, пропагандируемый советской властью, способствовал формированию пренебрежительного отношения к труду у деревенских люмпенов. Эти настроения постепенно распространялись на другие группы сельского населения: одни стали сдавать землю в аренду богатому соседу за часть урожая, другие искали иные источники дохода, производили, например, на продажу самогон, считая это более выгодным занятием, чем сельскохозяйственный труд.

Уже в годы Гражданской войны появились первые колхозы, которые объединяли в основном сельскую бедноту. Государство оказывало им разнообразную помощь: бесплатно или на очень выгодных условиях снабжало семенами, инвентарем, рабочим скотом и даже тракторами. В ноябре 1918 г. был учрежден специальный фонд для поддержки пер-

вых «ростков социализма» на селе. Основным условием выдачи кредитов являлся переход к общественным формам обработки земли, обобществление средств производства и запрет наемного труда. Каждый член товарищества входил в его состав с разным количеством земли, инвентаря и работников. Все это необходимо было учитывать при распределении. Отсюда многочисленные конфликты, которые часто становились причиной самоликвидации коллективных хозяйств. По данным Наркомзема РСФСР, на 1 декабря 1920 г. было почти 12 тыс. колхозов, которые объединяли около 140 тыс. хозяйств — меньше 1 % от их общего количества в стране. Об их мощности можно судить по тому, что в среднем на один колхоз приходилось по 11—12 дворов [16, с. 385].

В крестьянском сознании многое определялось представлениями о справедливости. Расслоение в деревне не приводило пока к противостоянию зажиточных и бедных односельчан. К справедливо нажившим значительное состояние крестьянам относились лояльно, с ними в интересах дела сотрудничали, от них часто зависели материально. Крестьянские и большевистские представления о степени зажиточности хозяйства не совпадали, так как основывались на разных принципах.

«Революцией мобилизованные» служащие. Многочисленная армия управленцев, состоящая на службе новой власти, «была пестрой и аморфной, малоэффективной и малокомпетентной» [17, с. 105]. Ведущей тенденцией управления стала централизация. В структуре ВСНХ были созданы главки — чисто пролетарские органы руководства отраслями экономики. К лету 1920 г. существовало 49 главков, центров и комиссий. Их специализацию характеризуют названия: Главметалл, Главторф, Главтоп, Центрохладобойня, Чеквалап (Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей). Для персонизации ответственности назначались комиссары с чрезвычайными полномочиями.

Подбор кадров для управленческих структур был довольно своеобразным. Ключевые посты занимала «старая партийная гвардия», которая довольно быстро превратилась в замкнутую правящую элиту. Многочисленную группу в аппарате составляли бывшие рабочие, матросы и солдаты, которые далеко не всегда соответствовали занимаемым постам. Многие готовы были отдать все силы работе, но отсутствие опыта, образования и культуры не могло не сказаться на результатах их деятельности. Немало оказалось таких, кто не смог устоять перед испытанием властью. В официальном лексиконе появился термин «комчанство», который подразумевал проявление хамства, бравоирование своим пролетарским происхождением и злоупотребление служебным

положением. Нередки были случаи, когда «в интересах революции новоявленные комиссары размахивали маузером или мандатом». На учредительном съезде партии социал-демократов-интернационалистов в январе 1918 г. делегат Б. Авилов дал следующую характеристику большевистской власти: «...режим олигархии наверху и охлократии снизу, <...> основанный на бесшабашной демагогии и на глубоком невежестве и масс, и руководителей» [17, с. 162]. В этой среде процветали коррупция и злоупотребления. Осенью 1919 г., например, в СНК стало известно, что в Петрограде было напечатано продуктовых карточек на треть больше нормы, которые были использованы не по назначению. В 1920 г. в целом по стране по официальным отчетам Наркомпрод распределил 22 млн карточек для горожан, а на самом деле их количество было вдвое меньше. ЦК ВКП(б) информировал, что многие ответственные работники, занимающие довольно высокие посты, отрываются от масс, злоупотребляют своей властью, устанавливают для себя лично и для своих близких большие личные привилегии [2, с. 416]. Любопытную характеристику комиссарам дал профессор Пермского университета А. И. Сырцов в 1919 г. в письме своим коллегам в университетах Европы: «Это прежде всего фантасты, желающие перестроить весь мир. Но их немного, большинство же состоит из людей, которые крепко держатся за власть, видя в большевизме способ легкой жизненной карьеры. Эти люди, которые никогда, ни при каком образе правления не имели бы шансов на успех, как не обладающие ни знаниями, ни умением работать» [17, с. 164].

В советском аппарате, особенно в структурах ВСНХ, органах юстиции, образования и культуры работали также специалисты из «бывших». Отношение к ним со стороны правящей партии было двойственным: с одной стороны — их «терпели» из-за острого дефицита опытных кадров, а с другой — третировали и охотно заменяли молодыми «выдвиженцами». С осени 1918 г. все «бывшие» от 16 до 50 лет могли быть мобилизованы на любые работы. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК «О введении трудовых книжек в г.г. Москве и Петрограде» работники принудительно закреплялись на предприятиях и учреждениях, самовольный уход приравнивался к дезертирству и карался по законам военного времени (суд, трибунал, заключение в лагерь). Постановка на учет в отделах распределения рабочей силы гарантировала «бывшим» получение продовольственных карточек, помогала избежать призыва в Красную Армию. Устройство на работу избавляло от клейма «буржуй» и гарантировало статус трудящегося.

Бытовая повседневность. Историк И. В. Нарский сравнил жизнь российского населения в годы революции и Гражданской войны с катастрофой. Он отметил постепенное привыкание жителей городов и деревень к бедности, указал на их своеобразные «техники борьбы за выживание», которые зависели от степени лояльности к советской власти [9, с. 560—561].

Хронический продовольственный кризис вынудил власть ввести нормированное снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости. В июне 1918 г. в Петрограде, с 1 сентября — в Москве вместо общегражданского распределения был введен так называемый «классовый паек». В 1920 г. по нормированному снабжению обеспечивалось 24 млн человек. В зависимости от сферы деятельности городские жители были поделены на четыре категории, от принадлежности к которой зависели объем и порядок снабжения. В первую категорию входили рабочие, занятые на особо тяжелых производственных условиях, кормящие матери и беременные женщины; во вторую — все остальные рабочие, семьи из 4 человек и более, дети от 3 до 14 лет, инвалиды 1-й группы; в третью — служащие, учащиеся, молодежь 14—17 лет, безработные, пенсионеры, инвалиды; в четвертую — лица, использующие наемный труд, лица свободных профессий, «бывшие». Была установлена очередность отоваривания карточек, в результате четвертая категория населения часто обеспечивалась «в пределах возможного» [17, с. 112—116]. Постепенно в первую категорию были причислены партноменклатура, командный состав армии и флота, военно-охранные структуры. Стали появляться первые «лечебные столы», литерные столовые, спецбуфеты и спецраспределители для руководящих работников центрального партийного и советского аппарата.

В реальной жизни существовало до 20 разнообразных пайков: усиленные, ударные, бронированные и т. д.; 33 вида карточек: хлебные, молочные, хлопчатобумажные, обувные и т. п. Нормы менялись, но постоянно были очень низкими. В мае 1919 г. в Петрограде по высшей категории выдавалось полфунта (200 г), а по третьей — 1/8 фунта (50 г) хлеба в день [3, с. 321]. По пайку первой категории в месяц на человека полагалось 4 фунта мяса или рыбы; по полфунта жиров и сахара; 20 фунтов овощей; 1 фунт соли; четверть фунта мыла. На руки выдавалось два коробка спичек и четверть фунта чая. Порой хлеб заменяли яблоками, а рыбу — селедкой [2, с. 428]. Профессор Императорской академии художеств Ю. П. Анненков, причисленный к четвертой категории, вспоминал, что для приобретения необходимых пайков нужна была опреде-

ленная тактика, называл это «пайколовством» и отмечал, что «многие, впрочем, не жаловались. Я получал общий гражданский, так называемый голодный паек. Затем «ученый» паек в качестве профессора АХ. Кроме того, я получал «милицейский» паек за то, что организовал культурно-просветительскую студию для милиционеров... Я получал еще «усиленный» паек Балтфлота за дружбу с моряками и, наконец, самый щедрый паек «матери, кормящей грудью», за то, что в Родильном доме «Капли молока» имени Р. Люксембург читал лекции по истории скульптуры» [17, с. 120]. Но совершенно иное восприятие голодной жизни в Петрограде у жены Б. Д. Бруцкуса — известного экономиста, высланного из советской России в 1922 г. В своем «Дневнике матери-хозяйки» Э. О. Бруцкус в июле 1918 г. записала: «Полное отсутствие хлеба — это какой-то кошмар <...> Всюду по улицам стоят лица интеллигентных профессий или прежние буржуи и продают вещи, жена известного хирурга продает пикейные одеяла, рядом жена академика — золотую цепочку». Октябрь 1918 г.: «По карточкам выдают по 2—3 фунта воблы <...> Это основа и деликатес нашего нищенского стола. В общественную столовую ходим по очереди. Очередь у нас устроена и на так называемое «скобление кастрюли после каши». Сентябрь — октябрь 1920 г.: «В буквальном смысле слова приходится обходить квартиры и искать продукты, не продаст ли кто-нибудь своего излишка...» [17, с. 88—89].

Голод вынуждал людей приобретать товары на рынках. На главном московском рынке Сухаревка, где все можно было купить и продать, летом 1919 г. фунт черного хлеба стоил до 50 рублей, сахара — до 250, масла — до 450 рублей, т. е. месячная зарплата квалифицированного рабочего [2, с. 428]. С 1920 г. Наркомат финансов взял курс на неограниченный выпуск дензнаков. По сравнению с дооктябрьским периодом спекулятивные цены взлетели в 1000—10 000 раз в зависимости от региона и вида продуктов. Хлеб подорожал в 600—900 раз (вместо 3 коп. за фунт — 18—27 рублей). Эмиссия вызвала огромную инфляцию и обесценивание советских денег, процветание нелегального валютного рынка. За время революции и Гражданской войны в обращении находились дензнаки самого разного образца: николаевские, керенки, советские, украинские, марки, кроны, «колокольчики», билеты региональных правительств. В начале 1920 г. в Харькове, например, за 6500 советских рублей можно было купить 500-рублевую романовскую купюру, 100-рублевая «катенька» стоила 1000 рублей, думские деньги — 3500—4500 советских, 10 золотых рублей — 12 тыс. совзнаков, германская марка — до 60 рублей, австрийская крона — 15 рублей [10, с. 243].

Расстройство денежного обращения было напрямую связано с хозяйственной разрухой. Полный хаос творился на транспорте. Вагоны и составы пришли в негодность, многие железнодорожные пути были разобраны. Практически не работала почта и связь. Улицы городов часто не освещались, в домах не работали водопровод и канализация, не хватало топлива для минимального обогрева помещений. Из дневника Э. О. Бруцкус: «Ноябрь 1918 г.: дрова получают по карточкам, на семью — 2 вязанки (1/2 саж.) в месяц. Сначала надо получить из домкомбеда карточку, по карточке простоять другой раз и целую ночь за номерком на вязанку, а потом из склада вязанку дров приходится самим везти... Этого едва хватает для маленькой железной печки-буржуйки, на ней только буржуи готовят, так как у них дров нет» [17, с. 89].

Изменился внешний облик населения. Дорогую, добротную, красивую одежду носить не решались, а часто и не могли. «Барский» вид мог спровоцировать резкие проявления классовой ненависти, к тому же многие предметы роскоши (в том числе и одежду) у «бывших» конфисковывали. Символом революционной моды стали кожанки, их часто носили представители новой власти. Практически прекратилось производство одежды, предметов домашнего обихода.

Характерная черта жизни городов первых послереволюционных лет — демократизация уклада быденной жизни. Это выразилось в изменении стереотипов поведения человека на улице. «Человек с ружьем» стал неременной частью городского пейзажа. Парки Петрограда стали излюбленным местом для людей в шинелях, здесь проходили митинги, прямо на газонах закусывали и отдыхали. О беспределе в городах свидетельствовали заголовки газетных статей за 1917 г.: «Разгром винных складов» («День», № 217); «Хроника ограблений» («Московский листок», № 268), «Вторая ночь пьяной оргии», «За революционный порядок», «Самосуд», «Беспощадная борьба с саботажниками» («Новая жизнь», № 194) и т. д. [18, с. 325—327].

В годы революции и Гражданской войны серьезным изменениям подверглось жилье — пространство, где чаще всего реализуются практики повседневности. Первоначально, исходя из принципов коллективизма и равенства, выдвигалась идея ненужности отдельных квартир будущим строителям нового общества. Предлагалось массовое строительство домов-коммун. Однако чуть позже победивший класс было решено наделить знаком превосходства — квартирой. Началось «уплотнение» — жителей рабочих казарм стали переселять в «барские» квартиры. Квартирный передел начался весной 1918 г. в Петрограде. Быв-

шим собственникам жилья оставляли по одной комнате на каждого взрослого члена семьи и дополнительно еще одну для детей [14, с. 147]. В августе 1918 г. был принят Декрет СНК «Об отмене частной собственности на недвижимое имущество». Началась муниципализация жилья, появились домкомы и другие организации, которые обязаны были быть «глазами и ушами» режима на вверенных им объектах. Фактически с этого времени началось разрушение и разграбление жилого фонда. Недавние жители фабричных окраин не умели пользоваться лифтами и ванными комнатами, им казались абсолютно бесполезными ковры на лестницах и хромированные детали на дверях. Дискомфорт в непривычной обстановке новые жильцы компенсировали привычными для них способами «релаксации». Заметим, что многие рабочие цензовых предприятий отказывались менять свое местожительство, аргументируя это возможными проблемами с отоплением и водоснабжением. В январе 1921 г., следуя принципам уравнительного распределения, советская власть полностью отменила квартплату и оплату коммунальных услуг. Отсутствие средств у муниципальных служб еще более ускорило разрушение жилищного фонда в городах.

Экономическая разруха и ликвидация прежней системы управления страной привели к обострению многих социальных проблем общества: росту преступности, безработице, детской беспризорности, пьянству и проституции. Революционные перемены в обществе не могли не отразиться на семейной жизни. Изменилась даже такая интимная сфера человеческих отношений, как отношения между мужчиной и женщиной. Новые формы брачно-семейных отношений были определены декретами СНК «О расторжении брака» (16 декабря 1917 г.) и «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» (18 декабря 1917 г.). Секуляризация семьи предполагала изъятие у церкви традиционных для дореволюционной повседневной жизни функций венчания, крещения, погребения усопших. Документы, выданные религиозными организациями, считались недействительными. Новая власть предоставила женщине свободу не только в вопросах управления государством, но и в интимной сфере. Студенческая и рабфаковская молодежь воспитывалась на теории «стакана воды», пропагандируемого А. М. Коллонтай, работавшей в 1917—1918 гг. в Наркомате государственного призрения, а с 1920 г. возглавившей женотдел в ЦК партии большевиков: «утолить половое влечение можно так же просто, как жажду». Девичья невинность была объявлена буржуазным предрассудком, а мужчины и женщины стали обладать полной свободой в вы-

боре партнера. Эксперименты в интимной сфере привлекли в первую очередь молодежь, которая восприняла революцию как освобождение. В их системе представлений о новых формах человеческих отношений, основанных на коллективизме и общезитии, традиционный парный брак представлялся архаичным. Вызов традициям привел к резкому росту разводов, абортотв и незаконнорожденных детей.

После установления советской власти женщины получили равные с мужчинами гражданские права. Эмансипация повседневной жизни проявлялась в виде женщины-активистки-общественницы в платье из солдатского сукна или холста, прямой юбке, ситцевой блузке, гимнастерке или кожаной куртке. Красные платки или косынки стали отличительными чертами товарищей женского пола, служивших в Красной Армии, в городских боевых отрядах работниц, в совпартучреждениях.

Стратегии поведения рядовых граждан в послереволюционные годы были обусловлены множеством причин, однако ключевую роль играли причины экономического характера. Ю. А. Поляков констатировал, что после Гражданской войны национальный доход страны упал с 11 млрд рублей в 1917 г. до 4 млрд рублей в 1920 г. Сумма материального ущерба в 1922 г. составила 39 млрд золотых рублей. Валовая продукция сельского хозяйства в 1920 г. не превышала 67 % от уровня 1917 г. Промышленное производство сократилось в 7 раз. Угрожающей была динамика смертности населения: в Москве, например, от истощения и эпидемических заболеваний в 1918 г. скончалось 30 человек; в 1919 г. — 45 человек на одну тысячу населения. Наблюдался спад рождаемости [14, с. 33—35; 106; 109—114]. В повседневной жизни «маленького человека» эти макропоказатели трансформировались в поиски способов выживания. «Вживание в катастрофу превращалось в перманентный процесс, желание выжить — в ключевой момент деятельности. Люди чутко прислушивались к любому повороту во внутренней политике, мгновенно и по своему реагировали на изменения внешнеполитической ситуации» [9, с. 561]. Доминировали настроения, которые можно сформулировать фразой: «Кто бы пришел да ослобонил от большевиков». Особенно антибольшевистские настроения проявлялись в деревне. Из выступления Г. Е. Зиновьева на VIII съезде партии: «...местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке <...> в народе стал ненавистным» [2, с. 424]. «...Уныние и полная безнадежность царили повсюду; и люди даже не скрывали своего отчаяния <...> в случайных беседах открыто жаловались на то, что большевики довели своими реквизициями до полного разорения, полной нищеты, — что

они постепенно перерезали весь скот <...> Никто не скрывал своей ненависти к режиму, и все ждали освобождения извне, от французов, англичан, немцев <...> Поражало то, что никто не боялся говорить вслух о своей ненависти к большевикам», — вспоминал бывший советский консул в Германии Г. Соломон весной 1919 г. [17, с. 6]. Настроения рядовых крестьян отражало выступление на съезде кооператоров Архангельской губернии деревенского кузнеца А. Е. Тетерина из Вельского уезда (январь 1921 г.): «Говорят, что свободу завоевали, да все подай-дай: лошадей, коров, овец, масло, яйца, сено, — да слыхано ли дело, что за два фунта соли возить сто дерев лесу <...> Да вот не возить бы лесу всем, ничего бы не стало <...> остальное так бы и простило» [2, с. 436].

Продовольственная диктатура, силовые методы реализации непосильных норм хлебозаготовок по продразверстке, попытки раскола деревни через действия комбедов превратили политику советской власти в деревне в вооруженную «борьбу за хлеб». Если в 1918 г. происходили восстания действительно зажиточного крестьянства, «кулацкие» мятежи, то в начале 1919 г. к ним активно подключаются и середняки. В марте 1919 г. в Поволжье в районе Самары и Симбирска началось крестьянское восстание, в котором участвовало до 150 тыс. человек. Крупным центром антибольшевистского брожения стала Украина. В 1920 г. в повстанческое движение уже широко вливается бедняцкое население, а к концу года, как свидетельствуют многочисленные документы, против власти начинают действовать и деревенские коммунисты. К 1921 г. в стране полыхало более 50 крупных крестьянских восстаний, одно из самых массовых — в Тамбовской губернии. Государственная власть приобрела в деревне «карательный характер» [19, с. 112].

Было настроено против большевиков и подавляющее большинство городского населения, хотя масштабы вооруженных конфликтов были значительно ниже, чем в селе. Близость власти в лице репрессивных структур вызвала к жизни иные формы сопротивления и выживания. Протестные настроения рабочих выражались в трудовых конфликтах: опоздании или невыходе на работу; высказываниях, имеющих политическую окраску. Массовым явлением стали кражи на предприятиях. Причина воровства заключалась в резко негативном отношении «чистых пролетариев» к чужой собственности. После революции рабочие на какое-то время почувствовали себя хозяевами заводов и фабрик, а значит, и производимой на них продукции, оборудования, инструментов, материалов. Привлекательным для «несунов» оказался ленинский призыв «Грабь награбленное». С другой стороны, к воровству толкала сама

жизнь. Чтобы выжить, нужно было что-то продать или обменять на черном рынке. Сначала это была одежда, домашний скарб, потом начали уносить все, что могли со своего предприятия. На воровство рабочих толкало тяжелое материальное положение: зарплаты, особенно первых разрядов, были очень низкими. В декабре 1921 г. рабочий в Петрограде в среднем получал 839 тыс. рублей, тогда как стоимость минимального бюджетного набора составлял 1173,4 тыс. рублей [20, с. 74]. В данной ситуации соблазн «поправить» свое материальное положение за счет родного завода был велик. Тем более что массы уже не воспринимали государственное имущество как «свое».

Решили даже представители политического авангарда и совпартслужащие. Чем меньше становилась легальная зарплата, тем больше были сомнительные доходы. Несмотря на двойную ответственность — партийное взыскание и административное наказание, — среди элиты процветало взяточничество. Не помогала и угроза уголовной ответственности для состоящих на государственной службе, введенная Декретом СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». Типаж раннесоветского взяточника определился: «маленький, толстенький, юркий человек. Губы его лоснятся, точно подернутые масляной пленкой. На пальце массивный перстень, на руке серебряные модные часы, галифе, френч — все новенькое, чистенькое, с иголки <...> Взятчик оправдывал свои действия тем, что все берут» [8, с. 27].

Искусство выживания привело к беспрецедентному расцвету таких аномальных явлений, как спекуляция и мешочничество. Массовые хищения с предприятий и складов снабжали черный (нелегальный) рынок. Появились посредники (мешочники), обменивающие промышленные товары на продукты питания. Безусловно, это была вынужденная мера, так как традиционная система снабжения населения городов была разрушена. Мешочничество было вариантом самоснабжения в условиях национализации, гиперинфляции, запрета свободной легальной торговли. Декретом СНК от 22 июля 1918 г. «О спекуляции» устанавливалась судебная ответственность «за скупку, сбыт или хранение с целью сбыта в виде промысла монополизированных государством продуктов питания, нормированных товаров, драгоценных металлов и ценных бумаг». Мерами наказания были принудительные работы, конфискация всего имущества, лишение свободы до 5 лет, а «виноватые в неразрешенных законом скупке, сбыте или хранении платины или серебра, или золота в сыром виде, в слитках или в монете» — до 10 лет с конфискацией [4, с. 68]. Однако даже эти грозные санкции не могли предотвратить

такого массового общественного движения, как мешочничество, в котором в 1918 г. участвовало до четверти взрослого трудоспособного населения страны; другая четверть занята была «вялым, режимным трудом на предприятиях, а оставшаяся половина служила в канцеляриях» [1, с. 96].

Широко распространенным явлением была подделка хлебных карточек. Для борьбы с подобными манипуляциями в ВЧК были созданы Экономический отдел, Особый революционный трибунал по делам спекуляции и Отдел по борьбе с преступлениями по должности. Главным способом борьбы стало усиление контроля за выдачей карточек по спискам домовых комитетов.

Востребована в повседневной практике была также контрабанда. Например, некоторые жители приграничного в те годы г. Орши Могилевской губернии, играя на повышении и понижении цен, стали заниматься снабжением внутреннего российского рынка «тканями, мылом, вязаными изделиями, сахаром <...> Фактически Орша диктовала цены на немецкий, польский, украинский сахар, кофе, анилиновые красители и австрийские кремни для зажигалок для большей части территории Советской России» [4, с. 70]. Наименее защищенная группа населения из «бывших» вынуждена была искать свои «стратегии выживания». Для одних это была демонстрация лояльности к новой власти в сфере управления, для других, менее востребованных, — попытка найти применение своим способностям и квалификации в сфере развлечений, культуры и образования.

Восточная мудрость предупреждает: не дай вам Бог жить в эпоху перемен. Однако реальная жизнь раннесоветского общества продемонстрировала способность рядового человека к выживанию в самых сложных условиях. Жизненный опыт, выработанный и апробированный в годы революции и Гражданской войны, был неоднократно востребован в другие периоды жизни в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давыдов, А. Ю.* Мешочники и диктатура в России. 1917—1921 гг. / А. Ю. Давыдов. СПб. : Алетей, 2007. 370 с.
2. *Долуцкий, И. И.* Политические системы в России и СССР в XX веке / И. И. Долуцкий, Т. Е. Ворожейкина. М. : КДУ, 2008. 440 с.
3. История России XX — начала XXI века: учеб. пособие / под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2010. 960 с.
4. *Колпаниди, А.* КГБ: энциклопедия спецслужб / А. Колпаниди. М. : Яуза: Эксмо, 2010. 784 с.

5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1983. Т. 1: 1898—1917. 638 с.
6. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. М. : Политиздат, 1981. Т. 39: Июль — декабрь 1919 г. 623 с.
7. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. М. : Политиздат, 1981. Т. 34: Июль — октябрь 1917 г. 526 с.
8. *Маркосян, Г. М.* Взятничество в России в начале 1920-х гг. / Г. М. Маркосян // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 27—31.
9. *Нарский, И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. М. : РОССПЭН, 2001. 623 с.
10. *Павлюченков, С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченков. М. : РКП-История, 1997. 270 с.
11. Письма во власть. 1917—1927. Заявления, жалобы, доносы, письма / сост.: А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. 664 с.
12. *Поляков, В.* Голод в Поволжье, 1919—1925 гг. / В. Поляков. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2007. 712 с.
13. *Поляков, В.* А был ли «Великий почин»? / В. Поляков // Родина. 2010, № 1. С. 98—101.
14. *Поляков, Ю. А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / Ю. А. Поляков. М. : Наука, 1986. 270 с.
15. *Постников, С. П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900—1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
16. *Прудникова, Е. А.* Сталин. Битва за хлеб / Е. А. Прудникова. М. : ЗАО «Олма-Медиа Групп», 2010. 576 с.
17. Революция и человек: быт, нравы, поведение: сб. ст. / ред. П. Волобуев. М. : ИРИ РАН, 1997. 223 с.
18. Россия. XX век / сост.: В. Гликберг, А. Мещеряков. М. : Интерросса, 2007. 351 с.
19. *Трошина, Т. Г.* Крестьянские настроения периода «военного коммунизма» / Т. Г. Трошина // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 99—104.
20. *Ульянова, С.* «Несуны» в законе. Кражи на предприятиях в 1920-е годы / С. Ульянова // Родина. 2001. № 10. С. 74—76.
21. *Федотов, А. В.* Крестьянская община в тульской деревне в период нэпа (1921—1928): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула : Папирус, 2011. 20 с.
22. *Юровский, Л. Н.* Денежная политика Советской власти (1917—1927) / Л. Н. Юровский. М. : Фин. изд-во, 1928. 401 с.

РЕЗЮМЕ. SUMMARY

Рассматриваются политические, экономические и социально-культурные условия повседневной жизни населения революционной России в годы военного коммунизма. Автор обращает особое внимание на анализ социальной мобильности, формирование новых социальных групп советского общества, жилищную проблему и проблему питания, организацию досуга и внедрение новых культурных традиций.

The article deals with the political, economic, and socio-cultural conditions of the daily life of the population of revolutionary Russia in the years of War communism. The author pays special attention to the analysis of the social mobility, the formation of the new social groups of the Soviet society, housing problem and food issue, organization of leisure and introduction of the new cultural traditions.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10 студзеня 2011 г.